

Судьба ученого. Гавриил Степанович Неводовский*

Однажды на выставке архивных документов, посвященной памяти политических ссыльных в СССР, организованной Казахстанским обществом «Адилет» и Центральным государственным архивом Казахстана, я увидел фотокопию стихотворения о страшном голоде в Казахстане начала 30-х годов. Стихи поразили меня своей чистотой и сердечностью, какой-то светлой добротой и жалостью к несчастным людям, беднякам-казахам, выброшенным из колеи прежней привычной кочевой жизни сталинской политикой оседания и коллективизации.

Под стихотворением стояла подпись «Т.Г. Неводовская». Вчитываясь в образы, нарисованные автором стиха, я все время думал: кто она такая, эта не известная «Т.Г. Неводовская»? Как оказалась в Казахстане в годину его тяжких испытаний? Где хранились стихи до того, как увидели свет, не вызвав опасных последствий для самого автора? И я решил провести небольшое исследование.

Идя по следам стихотворения, я установил, что в Центральном государственном архиве Республики Казахстан имеется крошечный архив-фонд врача-хирурга Татьяны Гавриловны Неводовской – дочери профессора Гавриила Степановича Неводовского, высланного в Казахстан с Украины в 1930 г. Фонд состоит всего из четырех единиц хранения, так как большая часть документов семьи Неводовских передана Татьяной Гавриловной в Российский государственный архив народного хозяйства.

Познакомившись с личным фондом Т.Г. Неводовской, я понял, что, оттолкнувшись от него, смогу ответить и на витавшие передо мной вопросы и выяснить судьбу ученого, о котором нет ни строчки ни в Большой Советской Энциклопедии, ни в энциклопедических справочниках. А между тем вклад Гавриила Степановича Неводовского в биологическую науку достаточно весом, чтобы о нем сохранялась благодарная память потомков. немало было сделано этим замечательным человеком и на Украине, и в Казахстане, где он оказался по воле безжалостной судьбы.

Г.С.Неводовский родился 9 апреля 1874 г. в с. Евминка Остерского уезда Черниговской губернии в семье псаломщика местной церкви. Детство Гавриила Степановича проходило в условиях, мало отличавшихся от условий обычной крестьянской семьи. С малых лет приходилось помогать отцу работать в поле и по хозяйству. Еще в детстве Гавриил Степанович овладел помимо родного, украинского языка, еще и русским, и польским языками, впоследствии к ним добавились английский и латынь, столь необходимая каждому ученому.

Семи лет от роду он поступил в начальную школу, затем в Черниговскую духовную семинарию, которую закончил в 1895 г. Отец хотел, чтобы его сын и дальше продвигался по духовной части, но юноша уже тогда всерьез стал интересоваться науками.

В 1897 г. Г.С. Неводовский начал работать в начальной земской школе, где вплоть до 1903 г. вел уроки ботаники, биологии, агрономии. «Как незаурядный человек, – вспоминал о нем впоследствии профессор Н.А. Комарницкий в очерке «Памяти Г.С. Неводовского (1874-1952)», – он проявил себя и на этом поприще: написал один из первых украинских букварей «Українська школа», изданный в 1908 и 1917 гг.¹

Страсть к биологии оказалась сильнее, чем к педагогике. В 1903 г., ознакомившись с программой Ново-Александровского (Харьковского) института сельского хозяйства и лесоводства, Гавриил Степанович поступает на первый курс этого учебного заведения. Учиться пришлось долго – вместо четырех почти восемь лет, так как накануне и в годы первой русской революции юноша не избежал увлечения бунтарскими идеями, за что и был вскоре исключен из института. Вот как он сам сообщает об этом в своих автобиографических

Г.С. Неводовский с учениками Шаповаловской земской школы Борзнянского уезда

сведениях: «Прохождение учебы нарушилось перерывами. В 1904 г. был уволен за подписание протеста против профессорских судов, а в 1905 г. студенчество само закрыло институт «до созыва Учредительного собрания». Возобновил учебу только с осени 1908 г. и закончил институт в 1911 г.»²

В период закрытия института (с 1905 г. до осени 1908 г.) Гавриил Степанович работал в Черниговском губернском ведомстве как полевой почвовед и лаборант. В эти годы, считает Н.А. Комарницкий, он и сложился как научный работник. Его все больше и больше влечет к себе та область ботаники, которая изучала болезни растений, вызываемые болезнетворными грибами. По возвращении в институт по совету профессора Н.В. Цингера Гавриил Степанович начал заниматься микологией. «С первого же года, – пишет Г.С. Неводовский в своей автобиографии, – благодаря вниманию Н.В. Цингера я нашел приют в кабинете ботаники. Благодаря его же участию я познакомился с непосредственным руководителем на первых шагах по изучению микологии в лице В.Г. Траншеля».³

Еще во время учебы в институте Гавриил Степанович написал две научные статьи «Грибные болезни в окрестностях Ново-Александрии» и «Влияние формалина на споры головневых», которые были опубликованы в юбилейном сборнике Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства. Тема болезнетворных грибов стала главной в течение всей жизни Г.С. Неводовского.

Затем последовало еще свыше 30 печатных работ молодого ученого, большинство которых относятся к периоду до начала первой мировой войны.

Г.С. Неводовский — студент

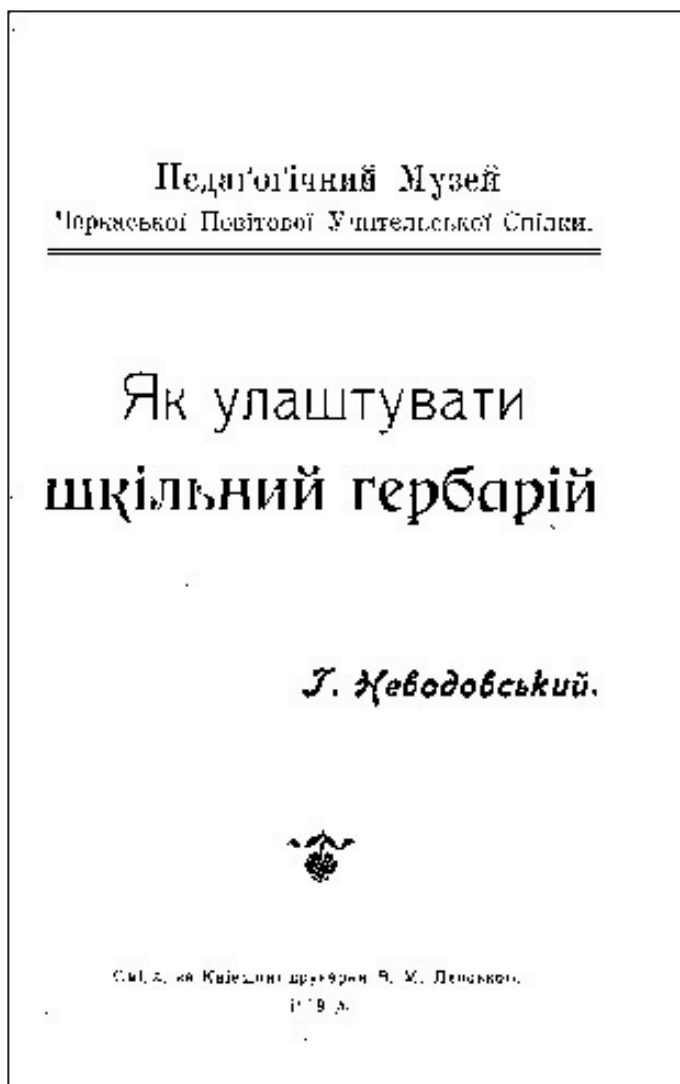
По окончании института Г.С.Невоводский получил предложение заведовать фитопатологической лабораторией Тифлисского ботанического сада, которое он с радостью принял. В Тифлисе (ныне – Тбилиси) Гавриил Степанович проработал вплоть до начала 1913 г. Здесь он окончательно определился как миколог и фитопатолог, наладил научные связи с русскими и зарубежными учеными, напечатал несколько новых работ по грибным болезням полезных растений Кавказа.

В 1913 г. Г.С.Невоводский возвращается на Украину и становится заведующим мико-энтомологической станцией в поселке М.Смела Киевской губернии. Здесь же его застают революция и гражданская война.

До Октябрьской революции Мало-Смелянская мико-энтомологическая станция была единственной опытной станцией в России, где велись работы по сахарной свекле. На этой станции Г.С.Невоводский проработал более 10 лет. Когда в 1924 г. станция была ликвидирована, Гавриил Степанович перешел работать специалистом-микологом сортоводческо-семенного управления Сахаротреста, а с 1927 г. стал заведующим микологической лабораторией Киевского института сахарной промышленности. В эти же годы Гавриил Степанович, как видный специалист в области микологии и фитопатологии, становится членом Научно-консультативного совета Наркомата земледелия Украинской ССР. За заслуги в области борьбы с болезнетворными грибами и большую научно-педагогическую деятельность Г.С.Невоводский в 1928 г. избирается профессором Киевского института сельского хозяйства и лесоводства, где он читал курс фитопатологии.

Киевский период в жизни Г.С.Невоводского был очень напряженным. Помимо большой научно-педагогической работы ему приходилось заниматься административной деятельностью, заседать в различных научно-производственных советах и комиссиях. В эти годы круг научных интересов Гавриила Степановича еще более расширился: он начал широкие исследования по изучению почвенной микрофлоры в целях борьбы с корнеедом свекольных всходов. Однако завершить эту работу Г.С.Невоводскому не удалось. 5 сентября 1930 г. он был внезапно арестован органами ОГПУ, уволен со всех постов и выслан в Казахстан как административно-ссылный по статье 66 § 2 п. 3 УК УССР.

О причинах ареста Г.С.Невоводский ни в одном документе не сообщает. Можно лишь догадываться, что он стал жертвой доноса, тем более, что властям казалось сомнительным его социальное происхождение. Сын псаломщика не мог пользоваться полным доверием у официальных властей. Кроме того в одном из личных листков на вопрос о своем происхождении Гавриил Степанович чистосердечно ответил так: «Потомственный почетный гражданин». Этого, вероятно, было достаточно, чтобы оказаться выброшенным из тогдаш-

Титульний лист брошури

него советского социума.

Гавриилу Степановичу повезло: его просто отправили в одну из отдаленных местностей – в Казахстан, ставший в те годы местом ссылки для десятков тысяч советских граждан, в том числе многих деятелей науки. Можно, правда, сказать, что и Казахстану в этом смысле «повезло»: он приобрел в лице Неводовского прекрасного специалиста. В 1931 г. он был принят в КазИЗР – Казахский институт защиты растений, в 1932–1933 гг. – работал микологом на Алма-Атинской зональной станции «Сахаротреста», в 1933–1936 гг. – преподавал в Талгарском техникуме защиты растений.⁴

Последний период жизни Г.С. Неводовского в Казахстане был связан с Ботаническим сектором Казфилиала АН СССР, где он состоял в должности специалиста-миколога. Именно в этот период им была написана большая научная работа о ржавчинных грибах Казахстана. Однако опубликовать ее удалось только спустя 20 лет, уже после смерти Гавриила Степановича.⁵

В 1936 г. в связи с тяжелой болезнью Г.С. Неводовскому было разрешено выехать в Москву на операцию и лечение. Так закончился второй период жизни ученого, отданный главным образом практике и обучению молодого поколения ботаников и биологов Казахстана.

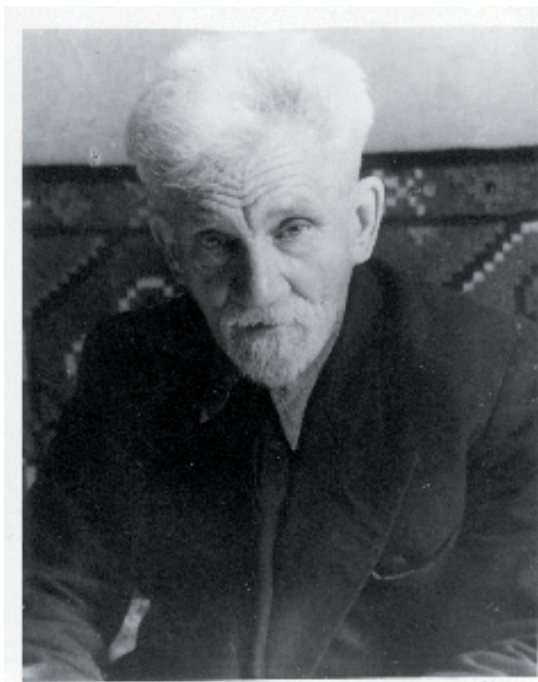
Третий период жизни Г.С. Неводовского был связан в основном с его научно-педагогической деятельностью. В 1940 г., оправившись после операции, он переехал в Томск: работал в Томском лесном техникуме, Тимирязевском леспромхозе, а также на Томской зональной льняной опытной станции, где продолжал исследования по грибным паразитам. В 1943 г. Гавриил Степанович, лишенный после ареста звания профессора, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фитопатологические факторы в борах Томского региона».

Флорист и систематик, Г.С. Неводовский вынужден был большую часть своей научной деятельности заниматься работой фитопатолога. Некоторые итоги этой работы в свой сибирский период он изложил в трудах Томской зональной льняной опытной станции.⁶

Тем не менее основные работы Гавриила Степановича все же принадлежат к флористике и систематике. Еще в дореволюционный период он начал издавать под редакцией В.Г. Траншеля гербарий «Грибы России». Всего вышло пять выпусков, каждый из которых содержал по 50 видов. «Эти экзикаты в настоящее время, – писал проф. Н.А. Комарницкий в статье «Памяти Г.С. Неводовского (1874-1952)», – являются огромной редкостью и сохраняются в единичном числе лишь в нескольких очень старых ботанических учреждениях. Часть грибных сборов Гавриила Степановича находилась в гербарии ботанического института АН в Ленинграде. Часть личного гербария Гавриила Степановича погибла в период его ареста и переезда в ссылку. Основной же гербарий, содержащий свыше 17 тыс. образцов, был передан в свое время Казахскому государственному университету».⁷

К сожалению, обнаружить следы этого гербария в Казахском Национальном государственном университете нам не удалось, как, впрочем, и печатные работы Г.С. Неводовского – в Национальной библиотеке Казахстана. Лишь в научной библиотеке НАН РК удалось отыскать единственную работу Г.С. Неводовского, посвященную ржавчинным грибам Казахстана – главный труд его подвижнической жизни.

24 сентября 1945 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1939 г. Гавриил Степанович был полностью реабилитирован с правом возвращения на прежнее место жительства. В 1946 г., будучи больным и находясь на пенсии, Г.С. Неводовский возвращается из Томска в Украину, где жила семья дочери, а спустя несколько лет вместе с ней переезжает в г. Пушино Московской области. Несмотря на болезнь, он продолжает работать: заканчивает исследование о фацидиозе сосны, начатое во время пребывания в Сибири (эта работа вышла в свет в 1953 году), продолжает монографическую обработку рода *muscosphaerella* – сумчатых грибов, которыми занимался много лет. Одновременно Гавриил Степанович сотрудничает на общественных началах с кафедрой низших растений

Последняя фотография ученого

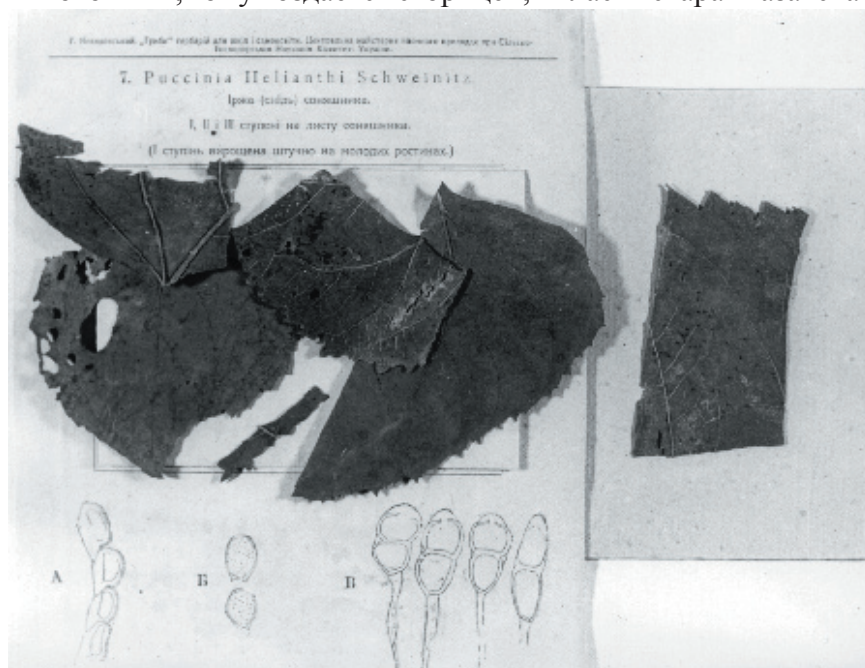
Московского университета и Московским обществом испытателей природы, через которое он организует новые издания эксикатов грибов России.

Однако сил остается все меньше и меньше. Несмотря на преклонный возраст, Гавриил Степанович продолжает работать над ранее начатыми изданиями гербария «Грибы СССР». Закончить эту работу ему не удалось. В 1952 г. ученого не стало. «Уже после смерти отца, – пишет в своих воспоминаниях дочь Г.С.Неводовского Татьяна Гавриловна, – были изданы еще два выпуска его монографии «Грибы СССР».⁸ По свидетельству Н.А. Комарницкого это были не два, а три выпуска (75 видов), окончательно обработанные в 1956 г. и выпущенные Московским обществом испытателей природы.

В своих размышлениях о Годе общественного согласия и памяти жертв политических репрессий Президент Казахстана Н.А. Назарбаев писал: «Год общественного согласия и памяти жертв

политических репрессий ушел в прошлое. Но, явившись ярким и примечательным событием в общественной жизни страны, он во многом помог всем нам глубоко понять и прочувствовать нашу историю, лучше осознать реалии сегодняшнего дня, теснее сплотиться во имя достижения поставленных целей. – Кто чтит покойных, тому воздается сторицей, – гласит старая казахская мудрость. Думаю, что, сохраняя историческую память, мы поддерживаем и укрепляем общественное здоровье. А это – благо для каждого казахстанца».⁹

В этих словах Президента не только дань уважения к ушедшим из жизни, но и призыв знать как можно больше о прошлом, историю. Естественно, мне захотелось узнать дополнительные подробности о казахстанском периоде жизни Г.С. Неводовского, о его семье, о людях, с которыми ему пришлось работать в Казахстане. И я снова обратился к архивам. Продолжая скрупулезно изучать небольшую коллекцию дочери Г.С. Неводовского – Татьяны Гавриловны, хранящуюся в Центральном государственном архиве Республики Казахстан, я нашел в ней и воспоминания об отце, и фотографии, и некоторые подробности о жизни семьи Неводовских в Казахстане, которые дали возможность получить определенное представление о важном периоде как истории Казахстана, так и судьбы ученого.

Страница из пособия Г.С. Неводовского «Грибы. Гербарий для школ і самоосвіти»

В альбоме, названном Татьяной Гавриловной «Годы, люди и судьбы», – более двух

десятков любительских снимков, сделанных в 1930-е гг. дочерью Г.С.Неводовского и его сослуживцами. Здесь же короткая запись воспоминаний о жизни профессора в Казахстане.

На одном из первых снимков запечатлены Г.С. Неводовский со своей супругой – Александрой Васильевной. Гавриил Степанович в очках, уже почти совсем седой, с бородкой клинышком – типичный дореволюционный профессор – стоит, опираясь на стул, на котором сидит Александра Васильевна. Он – в рубашке навыпуск, «толстовке», как обычно одевались русские интеллигенты начала века. Она – в длинном ситцевом платье в цветочек, с белым отложным воротничком. «Все невзгоды жизни, – пишет Татьяна Гавриловна, – они делили поровну и даже в период заточения в Харькове (следствие проводилось главным образом в Харькове, который был в то время столицей Украины – Е.В.) находились рядом, хотя и не знали об этом. Когда выяснилось, что отцу предстоит жить и работать в Казахстане, мы с мамой без колебания покинули Киев и приехали к отцу. А как же иначе?».¹⁰

Местом ссылки Г.С. Неводовскому был определен Алма-Атинский округ (бывшая

*Александра Васильевна и Гавриил Степанович — учителя
Шаповаловской школы*

Джетысуйская-Семиреченская губерния). Здесь, на окраине небольшою казахского поселка, он поселился в полуразрушенном саманном домике весной 1931 г., став через короткое время фактически научным руководителем маленького коллектива Алма-Атинской зональной опытной станции а/о “Союзсахар”. Станция занималась тем, что проводила опыты, изучая вредителей сахарной свеклы и других овощных культур.

На другом снимке, помещенном в альбоме, виден старенький, с облупившимися стенами домик под соломенной или камышовой крышей, в котором размещалась научная лаборатория станции. На переднем плане этого снимка несколько женщин – русские и казашки – занимаются сортировкой семян.

Первое время в лаборатории не было почти никакого оборудования – лишь микроскоп, препаровальная лупа и несколько фотоаппаратов, приспособленных для микрофотографирования. Часть комнаты, отведенной под лабораторию, была искусственно затемнена и приспособлена для проявки пленок. У стен находились грубо рубленые полки со справочниками и разной научной литературой, привезенной Г.С. Неводовским из Киева.

Для проведения опытов лаборатория остро нуждалась в автоклаве. Последний вскоре

удалось привезти из Алма-Аты. Это был списанный за непригодностью допотопный автоклав, который Гавриил Степанович сам и отремонтировал.

Для стерилизации чашек Петри использовалась высокая железная коробка из-под леденцов, которую нагревали жарко горящим кураем, находившимся поблизости в избытке. Конечно, необходим был и термостат для получения чистой культуры возбудителя болезней свеклы и почвенных бактерий. Термостат Гавриил Степанович соорудил из фанерного ящика, дно которого было обито асбестом и имело в центре круглое отверстие для нагревания его керосиновой лампой. Внутри ящика ставился большой бидон с водой, который по мере повышения температуры выполнял роль термостата. Таким примитивным способом тем не менее достигалась оптимальная температура, необходимая для опыта. «Нередко, – пишет в своих воспоминаниях Татьяна Гавриловна, – мы с отцом по очереди ходили ночью из дома в лабораторию, чтобы отрегулировать пламя лампы для поддержания нужной температуры».¹¹

И в этих чудовищно-нищенских условиях делалась настоящая наука! По словам Т.Г. Неводовской, несмотря на осыпавшуюся крышу, глиняный пол, побеленные известью стены лаборатории, почти никогда не было случаев загрязнения чистых культур, выращивавшихся на питательных средах в чашках Петри и в пробирках, стоявших в лаборатории.

Опыты проводились круглогодично, но наиболее интенсивно в летний период. Гавриил Степанович и его помощники пытались выяснить пагубное влияние тех или иных микроорганизмов на развитие заболеваний люцерны, сахарной свеклы, других сельскохозяйственных культур. С этой целью семена высаживались в глиняные сосуды со стерильной пробкой, имевшей систему трубок для полива семян специальными растворами.

Как пишет в своих воспоминаниях Т.Г. Неводовская: «...в разных вариантах заражали то семена, то почву, а затем опыт переносился в полевую обстановку, на полевой участок. Работа была очень трудоемкой».¹² К счастью, Гавриил Степанович сумел привезти из Алма-Аты молоденькую лаборантку – Марию Васильевну Прокопенко, ставшую, наряду с дочерью, незаменимой помощницей профессора. Вскоре возле него сложился небольшой круг постоянных помощников: практикант Талгарского сельхозтехникума В.Ершов проводил разбивку опытного участка на контрольные делянки, обеспечивал полив и опрыскивание люцерников-предшественников сахарной свеклы, второй лаборант – Татьяна Неводовская – производила сбор фитопатологического материала, Мария Прокопенко выполняла бактериологическую часть работы. На ней лежала ответственность за подготовку срезов и изучение препаратов под микроскопом.¹³ В общей работе участвовала и супруга профессора Александра Васильевна. Она по просьбе мужа делала переводы с немецкого и французского, в то время как Татьяна Гавриловна помогала в переводах с английского.

Гавриил Степанович был совершенно непритязателен в быту. Его, как истинного ученого, интересовал лишь рабочий стол с микроскопом и препаратами да перевезенная из Киева уникальная микологическая литература. Правда, чуть попозже из Киева прибыл и роскошный кабинетный рояль, резко диссонировавший со всей остальной обстановкой дома. На рояле в часы отдыха музицировала супруга профессора.

Характеризуя помещение, где жила семья Неводовских, Татьяна Гавриловна пишет, что в потолке их дома первое время была дыра, находившаяся прямо над очагом. Это было необходимо для выхода дыма, когда начинали топить печь. Впоследствии печь усовершенствовали, а дыру в потолке закрыли, так как в теплое время года через нее влетали ласточки, свившие гнездо под потолком.

В этом убогом жилище, которое Гавриил Степанович шуточно называл «виллой профессора Неводовского», ему пришлось жить и работать восемь нелегких лет. «Все свободное время – и ранним утром, и поздним вечером, а нередко и по ночам – Гавриил Степанович склонялся над микроскопом, не замечая, – как пишет Татьяна Гавриловна, – ни нужды, ни холода, ни голода. На стенах домика висели сетки с растениями. Эту т.н. флористическую работу Гавриил Степанович считал отдыхом, работал увлеченно,

одержимо».¹⁴

За время, проведенное в Казахстане, Г.С. Неводовским была проделана значительная исследовательская работа. Результатом ее были подробные ежегодные отчеты для руководства ИЗРа и периодические информационные сообщения в «Фитопатологическом бюллетене» Алма-Атинской зональной опытной селекционной станции Института защиты растений. В списке научных работ, составленном Г.С.Неводовским в 1935 г., значится еще 4 научных статьи, оставшиеся, к сожалению, неопубликованными или опубликованными в сильно урезанном виде. Такова, например, большая статья, посвященная грибным болезням люцерны в Казахстане, рукопись которой была обнаружена нами в Центральном государственном архиве научно-технической документации.¹⁵

Осенью 1934 г. Гавриил Степанович оставил работу в КазИЗРе и начал преподавать в Талгарском техникуме сельского хозяйства. Причиной увольнения была жесточайшая тропическая малярия, которой болел он сам и многие сотрудники опытной станции – европейцы. «На высоте потрясающего озноба, – вспоминает Татьяна Гавриловна, – температура доходила до 39-40 градусов. Прерывали работу на 2-3 часа и после проливного пота, сменив мокрое белье, продолжали работать».¹⁶

Сотрудников на станции подстерегали и другие болезни, связанные с их работой в дикой природе. Нередки были случаи заболевания бруцеллезом, брюшным тифом, туляремией. Риск заболеть был очень велик, вылечиться же было почти невозможно, т.к. уровень здравоохранения был тогда очень низким. Врачей и санитаров в местных больницах не хватало, лекарств – тем более. Татьяна Гавриловна, например, сообщает о смерти от туляремии одного из талантливых молодых работников зональной станции – Горбунова, с семьей которого дружили Неводовские.¹⁷

Судьба самой Татьяны Гавриловны сложилась более удачно, чем ее отца. Вначале ей, конечно, тоже пришлось испытать нелегкую участь члена семьи политического ссыльного. Положение усугубилось тем, что начало 30-х годов совпало с проведением массовой коллективизации и последовавшим за нею голодом. Несмотря на хороший урожай, во многих областях Казахстана к весне 1933 г. не осталось хлеба, который усиленно вывозился за рубеж в обмен на станки и машины для строившихся фабрик и заводов.

Особенно тяжело приходилось кочевому казахскому населению. В результате насильственного перевода на оседлое положение многие казахские семьи почти полностью лишились скота. Нередко на дорогах и в полях можно было увидеть опухших от голода и полузамерзших голодбеженцев. «Жертвами голода и репрессий в 1932-1933 гг. стали один миллион 750 тысяч человек, или 42 % всей численности казахского населения республики. ...Начались массовые откочевки людей – они бежали в Китай, Монголию, Турцию, Иран, в республики Средней Азии и соседние российские регионы Поволжья, Урал, Сибирь. Это был ярко выраженный протест сельской бедноты против произвола и беззакония».¹⁸

Всего этого не могла знать Татьяна Неводовская. Но был случай, когда страшное лицо голодной смерти прикоснулось и к ней, хотя жертвой голода были не ее близкие, а один из умерших от недоедания казахов. Вот как она описывает этот случай в своих воспоминаниях: «Я шла с кем-то из специалистов, со мной был фотоаппарат. По тракту, недалеко от нашего домика, сидел обессиленный истощенный казах. Он с трудом тащился с полевых работ, просил есть и пить. Я передала фотоаппарат своему спутнику и поспешила принести воды. Он пил с жадностью... Я поспешила снова домой, чтобы принести ему кусочек хлеба и сахара. Когда я пришла к нему с хлебом, он был уже мертв».¹⁹

Смерть человека на глазах молодой девушки, смерть от голода и истощения поразила Т.Неводовскую. И тогда родились в ее сердце глубоко трогательные, наполненные болью и состраданием к несчастным людям стихотворные строчки. Стихи эти шли из самой глубины сердца. В них и отчаяние, и надежда, и протест – наивный и страстный протест против нечеловеческих условий жизни, обрекавших людей на голодную смерть.

Стихи эти автором никогда не публиковались. Они увидели свет только в 1990-е годы.²⁰ Но необходимо сказать, что все публикации имеют один серьезный недостаток – большие купюры и недопустимые исправления. Вероятно, авторы публикаций были движимы стремлением сделать их лучше, устранить некоторую «корявость» строк. Но этим только ухудшили их. Настоящая публикация сделана по подлиннику, в точном соответствии с оригиналом, и уже одним этим она оправдана.

Т.Г. Неводовская

КАЗАХСТАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В природе март. Пришла весна хмельная...
А все забыть, не помнить не могу.
Уж травка первая... А я припоминаю
Замерзшие фигуры на снегу.

Убожество и грязь – я их не замечаю,
Не замечаю ни заплат, ни вшей...
Я беспредельно, искренне страдаю
За этих обездоленных людей.

Их косит голод... Я не голодаю.
Обута я, а тот казах – босой...
Безумную старуху вспоминаю
И женщину с протянутой рукой.

Из грязных тряпок груди вынимает,
Чтоб объяснить: «Ни капли молока!»
И крохотное тельце прижимает
Худая материнская рука.

Не содрогаюсь я от отвращения,
Но и смотреть спокойно не могу,
Как люди, падая от истощенья,
Перебирают колоски в стогу.

Под проливным дождем, под ветром, под снегами
Стога соломы здесь в степи стоят.
Колосья прелые изъедены мышами,
Покрыты плесенью, содержат яд.

Беспомощные детские ручонки
Находят полусгнивший колосок,
И слышится надтреснутый и тонкий
Болезненный ребячий голосок.

Так в чем же их вина?
За что такие муки?
Здесь, на своей земле, в краю родном.
Ах, эти худенькие пальчики и руки,

И девочка больная под стогом.
Под кожей ребра и торчат лопатки,
Раздутые ребячьи животы...
Нет оправдания и нет разгадки
Причины этой жуткой нищеты.

Вот озимь поднялась.
Синеют в дымке дали.
И жаворонок в небесах уже...
Нельзя, нельзя, чтоб дети голодали,
И этот труп казаха на меже.

Кто приказал? Узнать, понять хочу я,
Кто смерть и нищету послал сюда,
Где спокон веку жил народ, кочуя,
С верблюдом, с осликом, и пас стада.

Зачем снимать последнюю рубаху
И целый край заставить голодать?
Кому понадобилось – Богу иль Аллаху,
Все отобрать и ничего не дать.

Какой же деспот создал эту пытку?
Иль полоумному пришла такая блажь?
Последнюю овцу, кошму, пиалу и кибитку
Все забирать – и ничего не дать.

Но все молчат, хоть знают – не умеет
Казах-пастух ни сеять, ни пахать.
Без юрты он зимой окоченеет,
Без стада и овец он будет голодать.

И не пеняй на климат, на природу,
На то, что Казахстан степной и дикий край...
Такой был урожай! Хватило бы народу
На хлеб и на табак, на мясо и на чай.

Так нет же! Увезли отборную пшеницу.
Огромные стога остались на полях...
У тех стогов такой кошмар творится –
Не мог бы выдумать ни Бог и ни Аллах.

Без шерсти, без кошмы казах совсем раздетый,
Без дичи и без шкур он будет необут.
Откуда ему знать, что в Подмосковье где-то
В колхозах на полях сажают, сеют, жнут.

Я не умею с этим примириться.
Мне тяжело на это все смотреть.
На небе радостно поют, трепещут птицы,
А на земле страданья, голод, смерть.

Мерещатся мне детские ручонки
У прошлогодней и гнилой скирды,
И небо ясное и жаворонок звонкий –
Смесь зла, добра, нужды и красоты.

Думаю, что эти стихи не требуют никаких комментариев...

Семья Неводовых тоже недоедала, спасаясь разведением овощей на огородах. Об этом периоде своей жизни Т. Неводовская пишет достаточно осторожно: «Наша семья, лишенная ИТРовского пайка, ввиду бесправного положения моего отца, находилась, деликатно выражаясь, в довольно затруднительном экономическом да и моральном положении».²¹

Возвращение Г.С. Неводовского в Москву, а затем переезд в Томск позволили Татьяне Гавриловне окончить медицинский институт. В конце войны она вернулась на Украину, работала в военных госпиталях, а затем с мужем и родителями проживала в Пущине Московской области, где работала хирургом в местной больнице. Там же, в Пущине, нашли последний приют Гавриил Степанович и Александра Васильевна Неводовские, ушедшие из жизни почти одновременно.

* Нарис надійшов на адресу Чернігівської облдержадміністрації з посольства України в Республіці Казахстан, а звідти до музею. Ілюстрації – з фондів ЧІМ ім. В.В.Тарновського.

¹ Памяти Г.С.Неводовского (1874-1952) // Флора споровых растений Казахстана. – Т. 1. – Алма-Ата, 1956. – С. 3.

² Архив Министерства науки Национальной Академии Наук Республики Казахстан (РК). – Ф.2. – Оп. 1 а. – Д. 1668. – Л. 206.

³ Н.В.Цингер (1866-1923) и В.Г.Траншель (1868-1940) – видные дореволюционные и советские ученые, ботаники, сотрудничавшие с выдающимися советскими биологами – А.А. Ячевским и В.Л. Комаровым. Цингер в 1895 г. преподавал в Киевском университете, а с 1903 г. был профессором Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства. Основные научные работы относятся к флористике, систематике и эволюции растений. В 1928 г. посмертно удостоен Ленинской премии. В.Г. Траншель с 1889 г. являлся ассистентом кафедры споровых растений в Санкт-Петербургском университете, затем работал в Петербургском лесном институте. С 1900 г. – ученый хранитель Ботанического музея Императорской Академии Наук по отделу споровых растений. Занимался главным образом изучением флоры грибов России. Его перу принадлежит ряд научных исследований и определителей по флоре и систематике ржавчинных грибов.

⁴ Архив Министерства науки. – Ф.2. – Оп.1 а. – Д. 1668. – Л. 204, 204 об.

⁵ Флора споровых растений Казахстана. – Т.1.

⁶ Неводовский Г.С. Итоги работы лаборатории фитопатологии//Труды Томской зональной льняной опытной станции. – Вып. 1. – Томск, 1947. – С. 131-138.

⁷ Флора споровых растений Казахстана. – Т. 1. – С. 3.

⁸ Центральный государственный архив Казахстана (ЦГАК). – Ф. 269. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 37.

⁹ Назарбаев Н.А. Хранить память, крепить согласие // Огни Алатау. – 1998. – 22 января.

¹⁰ ЦГАК. – Ф. 269. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 37.

¹¹ Там же. – Л. 10.

¹² Там же.

¹³ ЦГА научно-технической документации РК (ЦГА НТД РК). – Ф.86. – Оп. 2-1. – Д. 18. – Л. 10 об.

¹⁴ ЦГАК. – Ф. 269. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 8.

¹⁵ ЦГА НТД РК. – Ф. 86. – Оп. 2-1. – Д. 18. Статья не имеет архивной нумерации. Предположительно она была опубликована в сокращенном виде в «Фитопатологическом бюллетене КазИЗРа». – № 2 за 1933 г.

¹⁶ ЦГАК. – Ф. 269. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Назарбаев Н.А. Указ. работа.

¹⁹ ЦГАК. – Ф. 269. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 12.

²⁰ См.: Козыбаев М., Хасанаев М. Казахстанская трагедия // Бырлесу. – 1993. – № 21; Горизонт. – 1995. – 9 мая; Народ не безмолвствует. – Алматы, 1996. – С. 267-269.

²¹ ЦГАК. – Ф. 269. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 12.